

ББК 87.3
Р 90

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *А.А. Кара-Мурза*,
доктор социологических наук *А. Ф. Филиппов*

Руткевич А.М. Р 90 Консерваторы XX века: Монография. - М:
Изд-во РУДН, 2006. - 180 с.

ISBN 5-209-01887-3

В монографии рассматриваются учения ведущих европейских консервативных мыслителей. Наряду с философскими и социологическими концепциями, в книге анализируются политические доктрины и движения первой половины XX века: «консервативная революция» в Веймарской Германии, «Французское действие» Ш. Морраса, послевоенный либеральный консерватизм Л. Штрауса, оказавшего заметное влияние на современный американский неоконсерватизм.

Для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей, филологов, политологов, социологов.

ISBN 5-209-01887-3

ББК 87.3

© Издательство Российского университета дружбы народов, 2006 ©
Руткевич А.М., 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге объединены статьи, разбросанные по малотиражным сборникам, и предисловия к работам, публиковавшимся крайне незначительным тиражом в изданиях, которые доступны немногим. Правда, иные из этих публикаций помещены в Интернете, как и мои переводы (у меня нет никаких претензий к тем, кто это делает без моего ведома). Я решил собрать под одной обложкой свои небольшие работы о консерваторах XX столетия - о мыслителях, а не о видных политиках. Черчилль или Де Голль, конечно, заслуживают внимания историков не только как государственные деятели, Тэтчер, Коль и даже Рейган неплохо понимали, какую программу они реализовывали. Однако талант политика и способности теоретика редко совмещались в одном человеке и в прошлом (вспомним о политических неудачах великих теоретиков, будь то Платон или Макиавелли), то же наблюдается и в наше время. Мыслители, о которых идет речь в данной книге, также не преуспели в области практической политики, если вообще к таковой обращались. Консерваторами были и многие крупные писатели (Тютчев и Достоевский, Честертон и Т. Элиот), и некоторые видные ученые (например Менделеев), но мы ценим их художественные произведения и научные теории независимо от идеологических предпочтений.

Конечно, представленные в этой книге концепции не дают сколько-нибудь полного обзора консервативной мысли XX столетия - такой обзор и не входил в мои намерения, поскольку я никогда профессионально не занимался ни историей отечественной политической мысли, ни англосаксонским консерватизмом. Более того, в эту книгу не включены некоторые публикации по испанской философии: хотя Ортега-и-Гасет близок либеральному консерватизму, а Унамуно - немецкой «консервативной революции», в круг моих занятий в последние два десятилетия испанская фило-

софия практически не входила. Разумеется, немецкая и французская консервативная мысль представлена тоже выборочно - место Зомбарта или Шпенглера вполне могли бы занять Шмитт или Юнгер, а Баррес не менее важен для понимания французского консерватизма, чем Моррас. То, что в книге представлены именно эти философы, отчасти дело случая, поскольку именно их мне доводилось переводить и комментировать, следуя пожеланиям издательств. Небольшая книга вообще не может служить учебником по истории политических учений - мне самому было бы интереснее писать о Леонтьеве или Солоневиче, чем о Моррасе, но в соответствии с «разделением труда» я могу считать себя специалистом по континентальной европейской философии.

Стоит отметить, что все рассматриваемые политические доктрины относятся к первой половине недавно завершившегося столетия. Они принадлежат недавнему прошлому, а потому их трудно рассматривать беспристрастно, *sine ira et studio*. Э. Хобсбаум однажды удачно наметил область между «современностью» и «историей», указав на то, что к чисто историческому исследованию при изучении недавнего прошлого примешиваются внешние для него факторы. Это - «сумеречная зона» между историей и памятью, между огромным числом доступных документов (много большим, чем за любой другой век истории) и памятью участников событий, которые еще способны сказать: «Нет, это было совсем не так». Наша собственная жизнь вплетается в повествование, поскольку мы сами слышали рассказы тех, кто застал времена, которые станут предметом собственно исторического познания только для наших внуков; мы сами сформированы этими недавними событиями, а потому даже самый строгий ученый вдруг сбивается на политическую публицистику. Тем более, что времена быстрых перемен, революций, сломов, «мутаций» никак не способствуют объективности взгляда. Память еще не угасла, историк либо должен ждать еще несколько десятилетий (но тогда может завершиться и его жизнь), либо соревноваться с социологами, демографами, экономистами и даже журналистами; ему приходится опрашивать живых, а не мертвых; работу в архивах ему заменяют интервью со свидетелями.

Консервативная мысль начала XX в. уже покинула эту «сумеречную зону» и стала историей. Разумеется, современными в каком-то смысле остаются и «Политика» Аристотеля, и «Госу-

дарь» Макиавелли; о К. Шмитте в последние 5-6 лет написано больше, чем за несколько предшествующих десятилетий. Однако наш интерес к политической мысли давнего или недавнего прошлого может направляться не желанием приспособить их к проблемам сегодняшнего дня, а чисто познавательным интересом («как это действительно было» Л. Ранке). В этой перспективе хорошо видно то, что все рассматриваемые авторы отличаются и от современных консерваторов, и от своих предшественников, консерваторов XIX в. Ни у кого из них нет стремления вернуться в благословенные времена того или иного монарха, нет пиетета по отношению к церкви - *ancient regime* для них бесповоротно умер. Даже мечтавший о восстановлении монархии Моррас мыслит ее совсем не так, как это делали Де Местр и Бональд, он думает о том, как в старые меха влить новое вино (вплоть до попыток установить связи с профсоюзами). Все они далеки от романтизма. Конечно, и прежние консерваторы в большинстве своем совсем не были романтиками - изобретенную Мангеймом формулу: романтизм = консерватизм просто опровергнуть даже имея в виду одну лишь Германию, где консерватизм был в наибольшей мере связан с романтизмом (основоположник немецкого консерватизма, Ю. Мезер, романтиком вовсе не был, а иные романтики, вроде дружившего с основоположниками марксизма Гейне, вряд ли могут быть зачислены в консерваторы).

Для консерваторов начала XX в. характерно сведение счетов с прежними архаичными воззрениями - К. Шмитт критиковал «политический романтизм» ничуть не меньше Морраса. Консерваторы XIX в. чаще всего не были националистами и, тем более, шовинистами (национализм и шовинизм суть порождения Французской революции, затем национал-либерализма европейских стран). К. Леонтьев видел в национализме европейского буржуа «орудие всемирной революции». В начале XX в. консервативная мысль чаще всего не просто национальна, иногда она выступает как яростный и бескомпромиссный национализм. Грань, отделяющая консерваторов - даже самых радикальных сторонников «национального социализма» - от фашизма, всегда хорошо заметна, поскольку фашизм был не только контрреволюционной, но и революционной идеологией, желал сотворить «нового человека», смести

прежние элиты, заменив их на партийный аппарат¹. У некоторых консерваторов этого периода последовательное отвержение либерализма ведет к перенятию многих элементов социализма и к лозунгу «консервативной революции», хотя все они остаются противниками подчинения государственных институтов тоталитарной партии. Некоторые дожившие до 1970-х гг. режимы были своего рода «материализацией» этих идей (авторитарные системы власти в Испании и Португалии) - срок жизни этого политического проекта оказался недолгим.

Хотя в современной России имеется изрядное число тех, кто хотел бы воспользоваться идейным наследием «консервативной революции», историк, остается верен своей профессии лишь в том случае, если он сохраняет дистанцию и смотрит на прошлое именно как на прошлое. У историка могут иметься свои «партийные» предпочтения, но их он должен «брать в скобки». Мы живем в совершенно иной реальности, чем люди первой трети XX столетия, которые были свидетелями того, что немецкий историк Э. Нольте назвал «эпохой европейской гражданской войны». Чтобы понять книги и лозунги французских консерваторов вековой давности, следует вспомнить, что в это время III Республика вела настоящую войну против католической церкви, нарушая тем самым даже собственную конституцию, провозглашавшую «свободу совести» (десятки тысяч закрытых приходо-в, 14 тысяч ликвидированных церковных школ и т.п.). Кто сегодня во Франции помнит о том, что в армии была установлена слежка за офицерами, и тем из них, кто ходил на мессу, был закрыт путь вверх по лестнице чинов и званий? Именно в этих условиях атеист Ш. Моррас становится вождем «Action française», ориентирующейся на голоса католиков, составлявших большую часть французской провинции. Чтобы понять необычайную популярность журнала «Die Tat» в 1929-

¹ Об этом приходится напоминать лишь потому, что среди «левых» критиков консерватизма не перевелись любители навешивать удобные ярлыки. Значительная часть современной немецкой литературы о консерватизме и в особенности о «консервативной революции» представляет собой партийную полемику наследников Адорно с «правыми». Такая полемика вполне уместна в газетах, но авторы, вроде Грайффенхагена, желают сводить счеты с политическими противниками посредством диссертаций и толстых томов, претендующих на научную значимость (да и профессорские места в Германии дорого стоят).

1932 гг., равно как и распространенность идей «консервативной революции» вообще, нужно не идеализировать Веймарскую республику (с ее любезными сердцу «левых» кабаре и выставками экспрессионистов), но увидеть кровавые схватки в Берлине, Мюнхене, Гамбурге, в Саксонии (1919-1923), путчи, разорившую средние слои инфляцией, голод 6 миллионов безработных, не говоря уже о ненавистном всем немцам Версальском договоре и оккупации французскими войсками Рура. Для историка очевидно то, что предлагавшиеся в то время проекты были связаны с социальной структурой европейских государств того времени (они были еще во многом аграрными), с той угрозой прежним элитам, которая возникла вместе с III Интернационалом, с несостоятельностью первого варианта глобализации («цивилизации золотого стандарта»), со всей эпохой мировых войн, революций и контрреволюций. Казалось бы, послевоенные концепции Гелена и особенно Штрауса близки современности: «технократический консерватизм» первого оказал воздействие на программные документы баварской ХСС, а о втором левые в США доньше пишут как об учителе находящегося ныне в Белом доме неоконсерваторов. Однако немецкие консерваторы давно отошли от популярных в середине 1960-х гг. идей, а влияние Штрауса на «неоконов» также не следует преувеличивать. Конечно, некоторые «ястребы» слушали лекции Штрауса в Чикаго, но ставший недавно директором Мирового банка Вулфовиц все же никак не может считаться «учеником Штрауса» (скорее, его наставником был Уолстеттер). К последователям Штрауса трудно отнести и Фукуяму, который хоть и научился многому у наиболее известного представителя Чикагской школы political science А. Блума, но по своим идеям очень далек от основателя этой школы Штрауса. Главное отличие заключается в том, что современный американский неоконсерватизм является идеологией глобализации, американской экспансии и гегемонии, распространения демократии (в ее американском понимании) по всем континентам, тогда как Штраус вовсе не был поклонником демократии и уж тем более деятельности каких бы то ни было «прогрессоров». Его ученики из «неоконов» готовы насаждать «американскую мечту» по всему миру, тогда как Штраус был противником всякой глобализации, считая абсурдным сам проект всемирного государства и «конца истории». В письме К. Левиту (от 15.09.1946) он писал, что Платон и Аристотель остаются образцо-

выми мыслителями, давшими набросок совершенного политического устройства. Ни тот, ни другой не были «демократами» в сегодняшнем смысле слова, оба мыслили политику возможной лишь в рамках небольшого города-государства. Если государства остаются, то по-прежнему актуален и вопрос, поставленный античными мыслителями о благе, о наилучшей форме сосуществования между согражданами. Образцом такого сосуществования для него оставались Афины (причем не во времена Перикла) и Великобритания времен если не Юма, то Дизраэли. Такого рода либеральный консерватизм также принадлежит прошлому.

При всей спорности многих тезисов недавно переведенной у нас книги Грея «Поминки по Просвещению», он прав, когда пишет о том, что неоконсерватизм времен Тэтчер и Рейгана практически уничтожил все прежние версии консерватизма - по крайней мере, в США и Западной Европе. В США близкие Штраусу воззрения можно обнаружить не у советников президента Буша, не во влиятельных журналах, вроде «National Interest» или «The Weekly Standard», а в маргинальном сегодня слое палеоконсерваторов и в журнале «The American Conservative», издаваемом известным российскому читателю П. Бьюкененом. Эти консерваторы по-прежнему считают своим идеалом не массовую демократию, а управляемую «лучшими» республику - идеалы у них те же, что у Штрауса (и те же, что были у Аристотеля и Цицерона); более того, они хотят, чтобы США оставались не вмешивающейся в дела остального мира республикой и не делались империей (так называется книга десятилетней давности Бьюкенена - «Республика. Не Империя»). Неоконсерваторов, вроде У. Кристола, они считают главными своими врагами и даже именуют их «неоякобинцами». Именно такого рода консерваторы выступают в США как сторонники изоляционизма и противники «авантюры» в Косово или в Ираке.

Хотя подобные взгляды разделяют очень многие американцы и европейцы, никто не станет финансировать этих «реакционеров», а потому они проиграют любые выборы. Тот же Бьюкенен не единожды безуспешно пытался стать президентом, но, по воспоминаниям другого известного американского консерватора, Рассела Керка, на каждые десять тысяч долларов пожертвований в пользу Бьюкенена во время «праймериз» приходилось 10 млн. на кампании их соперников из числа республиканцев. В Германии журнал наследников «консервативной революции» «Criticon», ос-

нованный под воздействием идей Гелена, в последние годы придерживается ультра-либерализма в экономике, во Франции Моррас забыт даже сторонниками Ле Пена, а еще не вымершие роялисты долгое время поддерживали социалиста Миттерана.

Ни «просвещенный консерватизм» тори или октябристов вековой давности, ни «консервативная революция» 1920-1930-х гг., не говоря уже о попытках восстановить монархию, не могут считаться сколько-нибудь значимыми сегодня проектами в странах Запада. То, что в России и некоторых других странах они могут оказаться актуальными и даже сподручными для политиков, свидетельствует лишь об отсталости этих стран. Причем об отсталости не только экономико-технической или политической, но также интеллектуальной - если элиты продолжают мыслить наподобие людей столетней давности, если они хватаются то за смехотворную идеологизированную версию экономического либерализма, то за цезаризм («управляемая демократия»), нельзя ожидать и решения экономических и социальных проблем. Консерваторов всегда отличало от либералов и социалистов отсутствие догматически принятых универсальных формул, вдумчивое отношение к традициям своей страны, а потому можно надеяться на то, что они и в России начнут думать собственной головой, учитывая как позитивный, так и негативный опыт других стран. Но это уже относится не к тем проблемам, которые решает историк, в задачи которого входит только познание прошлого таким, каким оно было, а не обслуживание тех или иных интересов сегодняшнего дня.